

УДК 316.354:355.1

Социокультурная коммуникация в образах и дискурсах войны и насилия**Корнилов П.А.**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Исследовано дискурсивное единство социокультурной коммуникации образов войны и насилия в обществе. Рассмотрены социоментальные механизмы возникновения человеческой деструктивности. Проведен социоментальный анализ символизации войны и насилия в прошлом и настоящем. Проанализирована трансформация дискурса войны и насилия в социокультурных, художественных и исторических образах.

Ключевые слова: образ войны, ментальный гештальт, дискурсы войны и насилия.

Современная война все больше реализует себя как акт коммуникации, в котором многократно тиражируются сюжеты и образы насилия. Поток символов создает феномен массивности и поднимает человеческую деструктивность на новый уровень. Войну можно определить не только в качественном, но и количественном плане как частое появление многочисленных актов символического насилия. Имеют ли все они под собой хоть какие-то объективные основания – в настоящее время определить становится почти невозможно. Одно очевидно – конструирование мифов о войне с каждым годом набирает обороты и становится неотъемлемой частью современного мира.

Реальный военный конфликт не очень-то похож на мифологическую битву, но люди сражаются и умирают в мифах. Человеческое существо воспринимает войну мифологически. Что вы скажете о солдате, который убежден, что сражается со злом и умирает во имя правды? Уверенность в праведности своей войны – это мифологическая и символическая интерпретация военной реальности. Солдат в бою не убивает кого-то лично для себя, его агрессия не персонифицирована. Его враг – больше символический, чем реальный. Насилие из частного дела стало массовым, обрело характер борьбы мифов и символического противостояния.

Войны не уходят безвозвратно, они оставляют глубокий след в мышлении людей. Одни больший, другие меньший. Те же, что изначально сформиро-

вались как гештальт, т.е. целостный комплекс войны и насилия, не исчезают вовсе, они просто трансцендируют себя, распыляются в ментальном пространстве, обретают новую жизнь в самых разных областях человеческой жизни, не только в военном деле и пропаганде, но и в политике, спорте, экономике и т.д. Каннибалистский язык снова звучит, но в новых символизациях. В современном мире каннибалистская война расщепилась и протекает на военных, спортивных, культурных, любовных, экономических, политических, криминальных и прочих аренах человеческой жизнедеятельности, как реальных, так и символических. В процессе эволюции люди приобрели социальность, но вместе с этим социальным стало и насилие. Современная война – это гипертрофированное во многие сферы общества насилие.

Для современного мира такое явление, как рабство скорее норма, чем исключение. «В настоящее время эксперты ООН оценивают число жертв современного рабства в 27 миллионов человек. В Мавритании принудительным трудом заняты 600 тысяч человек – это 20 процентов населения. Рабство по-прежнему распространено в Судане, Сомали, Пакистане, Индии, Непале, Бирме, Анголе. Мало у кого повернется язык назвать свободными гражданами население Северной Кореи. В Европе, по разным оценкам, от 400 тысяч до 1 миллиона рабов. Ежегодный оборот мирового рынка живого товара оценивается в 7 миллиардов долларов. В том-то и

дело, что рентабельность рабского труда выросла: стоимость раба и расходы на его содержание упали, а доходы от его эксплуатации повысились» [1, с. 6]. Показательно, что стоило только появиться провоцирующим условиям, как рабство выросло, словно из под земли, словно и не было сотен лет эволюции и представлений о правах человека.

Рабовладельческий дискурс активно используется и в политической борьбе, что и проявляется в упоминании Северной Кореи. Достаточно объявить, что население той или иной страны находится в рабском положении, и вот уже военное вторжение на чужую территорию превращается в освободительную операцию с благими целями в глазах мирового сообщества.

Открытым остается вопрос: что, собственно, считать рабством? Данная категория активно используется в различных социально-политических и символических играх. Скажем, сейчас в противовес представлению о «восточных рабочих», о старбайтерах, как о рабах, угнанных нацистами в Германию, пытаются внедрить аналогичный образ вестарбайтеров, т.е. немцев, которые восстанавливали экономику СССР. Или же часто пытаются клеймить «рабством» страны, чье жизнеустройство не отвечает общепринятым представлениям о демократическом обществе. Не будем вдаваться в идеологические споры, на наш взгляд, наиболее близко к решению этой проблемы с научных позиций подошло психоаналитическое направление: «сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или *жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина*. Заставить кого-либо испытать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства (одно из проявлений, хотя и не единственное). Тот, кто владеет каким-либо живым существом, превращает его в свою вещь, свое имущество, а сам становится его господином, повелителем, его Богом. Иногда власть над слабым может быть направлена на пользу слабому существу, и в этом случае можно говорить о "благом" садизме, например в случаях, когда кто-то держит рядом слабоумного "для его же собственного блага" и, действительно, во многих отношениях поддерживает его (рабство – особый случай)» [2, с. 365]. Эрих Фромм говорит вроде бы о садизме, но неизменно в своих умозаключениях приходит к понятию «рабство». Если говорить о классическом рабовладении, то его суть именно в превращении человека в вещь, «одушевленное орудие» или уподоблении его скотине, подвластному животному. На том же самом построены и садизм, и садомазохизм.

Наше определение рабства проистекает с ментальных позиций и изначально содержит в себе

представление о целостном гештальте как полном, завершенном цикле насилия. От целостного циклического энергосимволического образа осталась коллективная, историческая память и расщепленный след последующих символизаций и трансформаций, примерно так же, как от кометы остается хвост из газов и отколовшихся частей и осколков, которые также продолжают свое движение в пространстве и, разлетаясь, становятся шире самого космического объекта. Аналогичный эффект мы имеем и в социоментальной сфере.

В настоящее время рабовладельческий дискурс проявляет себя не только в садомазохистских играх или похожих преступлениях, но и везде, где присутствует вещизм в человеческих отношениях, где люди понимаются как собственность, как средство в достижении чьих-то целей. Наиболее ярко он проявляется в области управления, и не так важно, о чем идет речь – о деловых, производственных или личных связях. Э. Фромм отмечает, что «в большинстве общественных систем – включая нашу – представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым. У каждого в распоряжении есть дети, жены, собаки; всегда есть беззащитные существа: заключенные, бедные обитатели больниц (особенно душевнобольные), школьники и мелкие чиновники» [2, с. 366]. Следует признать, что социальное управление больше построено на властвовании, принуждении и подчинении нежели на добровольном сотрудничестве.

Дискурс власти в части принуждения во многом базируется на элементах рабовладельческого дискурса. «Садо-мазохистский характер можно еще назвать авторитарным, если перейти от психологической характеристики к политической, ибо, как правило, авторитарные лидеры демонстрируют черты садо-мазохистского характера: притеснение подчиненных и подобоострастие по отношению к вышестоящим» [2, с. 370]. Однако, когда дело касается не просто субординации и иерархии подчиненности, а выходит на уровень борьбы за власть, то дискурс рабства быстро сменяется более древним и более мощным – каннибалистским. Американский президент Франклин Делано Рузвельт говорил про свою политику: «меня обвиняют в борьбе с олигархами, но я их на завтрак не ем». Конечно, нет, но они их отрешение от власти воспринимали как равнозначное агрессивное действие.

В произведении Г.Г. Маркеса «Осень патриарха» главный герой одним каннибалистским ударом решает проблему заговора против себя. «И когда затих последний удар, шторы на дверях раздвинулись, и все увидели выдающегося деятеля, генерала дивизии Родриго де Агилара, во весь рост, на серебряном подносе, обложенного со всех сторон салатом из цветной капусты, приправленного лавровым ли-

стом и прочими специями, подрумяненного в жару духовки, облаченного в парадную форму с пятью золотыми зернышками миндаля, с нашивками за храбрость на пустом рукаве, с четырнадцатью фунтами медалей на груди и с веточкой петрушки во рту. Поднос был водружен на банкетный стол, и услужливые официанты принялись разделять поданное блюдо, не обращая внимание на окаменевших от ужаса гостей, и когда в тарелке у каждого оказалась изрядная порция нафаршированного орехами и ароматными травами министра обороны, было велено начинать вечерю: "приятного аппетита, сеньоры!" [3, с. 168-169]. Когда все и все были против старого диктатора, тот просто предложил заговорщикам съесть своего собственного предводителя и тем самым одержал победу в борьбе за власть.

Политические отношения также как экономические часто рассматриваются сквозь призму каннибализма. Побеждает тот, кто больший людоед. Мир политической борьбы в символическом восприятии иногда напоминает некую сказку под названием «В стране каннибалов». Часто все это преподносится в лучших традициях темной смеховой культуры¹. В смеховой форме можно увидеть совмещение политического и экономического каннибалистского дискурса в шутовских взаимодействиях реальных персонажей. Подобная символическая деструкция всегда шла в одном ряду с реальной расправой с противником. Не случайно говорится, что «смех напоминает оружие палача». Достаточно вспомнить, что длительное время в истории человечества шуты и палачи обладали во многом равным статусом. Они были неприкасаемы и занимали свои должности пожизненно, но одновременно и тот, и другой были изгоями в обществе, их сторонились, не подавали руки и т.д. Шутовская культура всегда несла в себе мощный потенциал символического насилия, к тому же от последнего до реального было легко рукой подать.

Однако ярче всего каннибалистская шоу-культура проявилась в фокусах. Всемирно известный Дэвид Копперфильд обрел популярность, благодаря «пропаданию» крупногабаритных предметов, однако ни одно его представление не обходится без связываний, распиливания, сжиганий. Самые знаменитые аттракционы иллюзиониста Игоря Кио, прославившие его имя, носили подчеркнуто каннибалистский характер. Фокусы «Сжигание женщины» и «Распиливание женщины» в комментариях не нуждаются. Садиство-каннибалистский характер иллюзиона «Прокалывание» тоже очевидно. Трех девушек как бы прокалывают длинной иглой и пропускают сквозь них цветную ленту. В общем, сюжет вполне в духе Дольчета, где красивых женщин сплошь и рядом насаживают на вертел. Если учесть, что фокуснику могли ассистировать жена и дочь, то сходство становится и вовсе пугающим.

¹ О дискурсах борьбы за углеводороды см. напр.: [4].

Прокомментировать можно известный фокус «превращение женщины во льва». Сюжет прост: женщина входит в клетку, в которой потом вместо нее оказывается лев. Появление крупного опасного хищника на месте героини с ее исчезновением трактуется не иначе, как ее символическое съедение, а поскольку ее отправил в клетку иллюзионист, то опять-таки речь идет об опосредованной символизации каннибализма. Его всегда отличали прекрасные женщины, которых он топил, сжигал, пилил, отдавал на съедение крокодилам. И, как известно, не он один, многие фокусники делают то же самое. Интересно, как сам фокусник комментировал свой шоу: «Никакого секрета здесь нет, просто я обладаю достаточным количеством женщин, чтобы распиливать каждый раз новую». Шутки шутками, а звучание каннибалистского дискурса налицо. К тому же объяснение иллюзиониста почти один в один совпадает со сценарием фильма «Кровопийцы» (или «Кровососущие уроды»), США, 1976, (Blood Sucking Freaks). Владелец цирка Сарду показывает вроде бы кроважидные фокусы, распиливая и пытая женщин до смерти, зрители принимают все за мастерскую иллюзию, но на самом деле это реальность. Жертв убивают по-настоящему и каждый раз новую. Помимо кровавых псевдофокусов фильм содержит прямые каннибалистские сцены, что является расшифровкой скрытой символизации каннибализма в цирковом иллюзионе.

Такое совпадение не случайно, оба жанра работают на одном поле, а именно удивляют, шокируют и пугают людей. Вполне естественно, что все они в процессе совершенствования, так или иначе, выходят на одни и те же универсальные механизмы человеческого мышления, которые имеют длинные архетипические корни, но по-прежнему остаются значимыми в жизни современных людей. Чтобы напугать современного человека надо знать, что его может напугать, ведь он уже столько повидал, что это является не такой уж простой задачей. Другой вопрос, почему людей пугает именно то, что показывают фильмы ужасов, а не что-то другое? Если проанализировать структуру и основные элементы ужастиков, то они примерно одни и те же, равно как и у кинобоевиков. Примечательно, как Ричард Харрис, известный исследователь феноменов массовой коммуникации, характеризует наиболее популярные фильмы, представленные им под одним из подзаголовков «Боевики», хотя большинство из описанных им кинокартин обычно характеризуют как триллеры и ужасы. «Пользуются большим успехом такие сериалы, как "День всех святых", "Детская игра", "Пятница, тринадцатое", "Крик", "Кошмар на улице Вязов" и множество менее известных фильмов. Многие из них отличаются особой жестокостью и полны сексуальных намеков. Например, в "Чужой жертве" показано, как запятнанный кровью вампир

высасывает внутренности мертвой женщины из дыры в животе. "Праздник плоти" изображает червяков, пожирающих живых людей, они начинают с лица и переползают вниз. Фильм "Пусть они умирают медленно" обещает "24 сцены варварской пытки", вроде той, когда мужчина разрезает женщину пополам (Child's Play, 1987, p. 31). "Отпрыск" показывает, как солдат душит девушку, взятую в плен, целуя ее» [5, с. 352]. Садизм, также как и каннибализм в подобных фильмах показаны открыто и без намеков, разве что в них нет садомазохистской игры.

Символические заменители облегчают совершение насилия и ужесточают его. Чистые формы насилия, вернее, применения силы, существовали в эпоху первобытности, во многом они делали невозможной излишнюю жестокость. Какими бы инфернальными не казались нам современные людоеды, они не могут убивать в массовом порядке, даже тогда когда им такая возможность предоставляется. Для них человеческий материал обладает особой ценностью, и сама их энергетика работает иначе, чем у любого современного солдата, способного убить за раз большое число врагов.

«Иногда армяне устраивали показательные расстрелы.

– Выводили пленных 15 человек, подводили к стене, рядом со складом, выстраивали в ряд, пленники последний раз обменивались взглядами, началась пальба.

– Стреляли как обычно армянские солдаты, но среди них стояла и Каринэ, в руках как-то неловко держала автомат. Но она так и не выстрелила, не произвела ни единого выстрела.

– После того как жертвы попадали, один влево, другой вправо, третий прижался к стене, медленно сползал на землю, она возвращала автомат армянскому военному, очень жеманно и нежно (!) уходила прочь со словами:

– Ну, не могу я стрелять в людей. Не могу и все...» [6].

Пример людоедки Каринэ очень показателен, потому что в ней активизация первобытного мышления в условиях войны проявилась с наибольшей силой. Ее образ ужасал врагов, точно так же аналогично пугают зрителей каннибалистские сюжеты фильмов ужасов. Символические взаимоотношения налицо. Кошмар – вот то, что объединяет войну (после нее сняты страшные сны в связи с пробуждением первобытности), садомазохистское творчество и фильмы ужасов. Фильмы ужасов имитируют кошмарный сон, а страшные сновидения также пронизаны архетипическими образами и сюжетами, в т.ч. связанными с первобытным насилием. Кошмар – это пробуждение архетипологического сознания, древних страхов прошлого. Человек возвращается в первобытность, к животным.

Никакой усложненной символизации, трудных правил социальной игры, запутанных общественных систем и всего того, что делает жизнь современных людей невыносимо тяжелой и малопонятной. Все, кто пытается объяснить мир настоящего в простых и доступных категориях, упростить его картину, поделить все на черное и белое, как это и свойственно первобытному мышлению, неизменно пользуются широкой популярностью. Кинобоевики как «мужское» кино тоже отсылают нас в эпоху каннибалистского противостояния «своих» и «чужих».

Исследователь современной идеологии А.Р. Тузиков отмечает: «Основная идеологическая функция фильмов приключенческого жанра в стиле боевика – обозначить четкий и однозначно трактуемый для большинства водораздел и конфликт между НАМИ и НИМИ, символизирующими зло и опасности, исходящие со стороны НЕ НАШИХ. Существует, конечно, множество разновидностей сюжетного оформления данного основного конфликта и детерминант НАШИХ И НЕ НАШИХ. Довольно часто для этого используются образы СВОИХ (чаще белых американских) парней, которые противостоят и побеждают «плохих» иностранцев (Брюс Уиллис против иностранных террористов в «Крепком орешке»)» [7, с. 292]. Таким образом, помимо прочего можно выделить и идеологическую символизацию базовых образов насилия.

Человечеству необходимо взять под контроль этот процесс и найти ненасильственные пути выхода из ситуации [8]. С современной тягой к всевозможным шоу войну тоже можно было бы превратить в безобидную игру в духе «Большие маневры» с участием самых настоящих армий, которые будут поддерживаться болельщиками, а ее результаты будут служить официальным основанием при решении политических вопросов. С одной стороны, выпускается пар, а с другой, насилие сведено к минимуму. По сути, введение в войну ограничений и правил это и есть попытка создать нечто подобное, но в условиях реального насилия сдержать его эскалацию становится фактически невозможно. Другое дело – прямая договоренность о проведении не реальных войн, где калечат и убивают, а полномасштабных военизированных игр при решении спорных вопросов под контролем международного стороннего арбитража.

Литература:

1. Абаринов В. Земля рабов, земля господ // Совершенно секретно. Ежемесячный еженедельник. – 2007. – № 9. – С. 6.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Минск: ООО «Попурри», 1999. – 624 с.
3. Гарсиа Маркес Г. Осень патриарха: Роман. Палая листва: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 544 с.
4. Корнилов П.А. Образ войны за углеводородные ресурсы в средствах массовой коммуникации // Вестник КГТУ. – 2011. – № 2. – С. 213-225.
5. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 448 с.
6. Гасанов Эльчин Гафар Оглы. Людоедка Каринэ. – URL: http://lit.lib.ru/g/gasanow_e_g/text_1010.shtml (свободный).
7. Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. – 360 с.
8. Корнилов П.А. Образ войны и насилия в дискурсах социокультурной коммуникации: социология и менталология исследования. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 294 с.

Socio-Cultural Communication in the Images and Discourses of War and Violence*P.A. Kornilov**Kazan National Research Technological University*

The paper deals with the discursive unity of the sociocultural communication of images of war and violence in society. The author analyzes socio-mental mechanisms of human destructions, symbolization of war and violence in the past and present and transformation of the discourse of war and violence in the sociocultural, artistic and historical images.

Keywords: image of the war; mental Gestalt, discourses of war and violence.

